

УДК 111.114

О.Н. Бушмакина

СО-БЫТИЕ СОЦИАЛЬНОГО В СТРУКТУРАХ СО-ОБЩЕНИЯ

Рассматривается бытие социального сообщества в структурах коммуникативного пространства дискурса.

Ключевые слова: социальное бытие, реальность, действительность, коммуникация, дискурс, сообщение.

Утрата марксизмом своих определяющих позиций в области общественной отечественной мысли сопровождается кризисом принципа марксистской практики и методологии, основанной на принципе противоположностей. Как известно, практика задавалась как критерий истины и как та категория, которая связывала субъективное и объективное, представляя собой рациональное действие по преобразованию материальных объектов. Кризис принципа практики привел заново к постановке вопроса о соотношении социальной реальности и социальной действительности как социальной субъективности и социальной объективности.

Элиминация метанарративов порождает стремление философов быть «ближе к жизни». «Философское мышление сегодня размнивается по мелочам на ярмарке самоотрицаний и самопреодолений, превосходя самое себя в своем старании угодить ироническим, прагматическим и стратегическим реализмам. Рискованность таких метаморфоз в погоне за реализмом очевидна: дело легко может закончиться заменой плохого худшим. От кинического «снятия и преодоления» философии рукой подать до цинического самоопровержения всего того, что воплощала в своих лучших чертах великая философия» [6. С.567]. Отказ от философского дискурса в угоду эмпирическим и прагматическим знаниям приводит к болезненной нехватке философии. Становление стратегий практической разумности порождает нехватку смысла. Философский дискурс обращен к самому трудному в ложно понятой жизни, к познанию самого себя, соединяя в единое целое существование и рефлексирование. Классический тезис о познании мира как самопознании субъекта кажется исчерпавшим себя. Современная наука дает все меньше поводов для узнавания субъектом самого себя в результатах познания, сводя все к психическому, которое совершенно оторвано от реалий мира. «Для современного мышления «внутренний мир» и «внешний мир», субъективное и вещи распались на два «чуждых мира»» [6. С.569]. Рефлексия оказывается не способной включить субъективное в объективные миры, обнаруживая «разрыв» между ними. Ни социальная психология, ни нейрофизиология не позволяют присое-

динить субъективность к миру. Субъективность становится пустой, а объективность совершенно отчуждается. Практика оказывается центральным мифом современности. Связь между разумом и практикой не является исключительной, возможна и не-практика, не-деяние, такое не-вмешательство, которое позволяет вещам идти своим ходом и выражает более высокие качества знания, чем любое продуманное действие. «Традиционно-привычные теории объективного разума скомпрометированы тем, что в них разглядели хитрости, служащие структурам власти и господства» [6. С.574]. Здесь возникает возможность автономии субъективности. Но этот принцип преодолевается поисками перехода от приватной субъективности к коммуникативности целей и интересов единичных субъектов. Миф о практике уступает место мифу о Великой Коммуникации как попытка обосновать позицию абсолютного субъекта на основе великого единения отдельных индивидов.

Власть, представленная как коммуникация, становится тотальной, растворяется в социальной реальности, утрачивая функции контроля, которые персонафицируются в фигуре трансцендентного наблюдателя. Абсолютный наблюдатель «видит» не только все, что расположено в пространстве, но ему «открыто» все будущее и все прошлое. Только он «знает» ту Великую Цель, объективацией которой оказывается весь путь, пройденный человечеством в целом. Для него все общество – это «масса», тот материал, который служит для предъявления великой идеи. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «появление масс на горизонте современной истории знаменует собой наступление и одновременно катастрофическое крушение социальности» [1. С.110]. Существование «массы» оказывается существованием обезличенных индивидов как «социальных атомов», каждый из которых в своем одиночестве и автономности ничем не отличается от другого. Возникает всеобщее коммуникативное безразличие как некое одностороннее существование, где возрастающее равнодушие приводит к отказу от социальных связей.

Как известно, К. Маркс предложил товар как универсальное место предъявления коммуникации, в котором коммуницируют все вещи, манифестируясь посредством стоимости. По мнению Ж. Бодрийяра, «товарная форма — это первый великий медиум современного мира. Но сообщение, которое объекты передают через нее, оказывается крайне упрощено, и оно всегда одно и то же: их меновая стоимость. Таким образом, в своей основе сообщение уже более не существует; оно оказывается сообщением, которое принуждает само себя к чистой циркуляции» [7. Р.131]. Коммуникация достигает своего экстатического состояния, когда медиумом становится информация. Пространство коммуникации замыкается само на себя и становится обшечным, то есть открытым. «Во всяком случае, мы должны будем испытать на себе это новое состояние вещей, эту принудительную экстраверсию всего внутреннего, эту принудительную инъекцию всего внешнего, что буквально и означает категорический императив коммуникации» [7. Р.132].

Идея Великой Коммуникации завершается исчезновением коммуникативности, переходом общества к принципиальной нетранзитивности и некоммуникативности, где безответность «масс» оказывается реакцией на анонимность власти Абсолютного Наблюдателя. Исчерпание коммуникативности есть, собственно, результат «разрыва» между субъектом и объектом, который закончился отказом от внутренней коммуникативности, невозможностью самореференции общества, его переходом в состояние транспарентности. Возникает необходимость самопредставления общества из него самого, то есть в отсутствии Абсолютного Наблюдателя как трансцендентного субъекта.

К. Касториadis обратился к обоснованию идеи о том, что общество есть продукт самого общества [2. С.8]. Если марксистская идеология была построена из предположения о наличии трансцендентного наблюдателя, который был способен обозревать всю историю как целое, то позиция К. Касториadisа существенно отличается от этого представления. «Не существует места или точки, откуда мы могли бы взглянуть на историю и общество извне, равно как и «логически предшествующей» точки наблюдения, которая дала бы нам возможность вывести теорию, точки, откуда мы могли бы обозревать, созерцать общество и историю и утверждать обусловленную необходимость их так-бытия, «конструировать» их, осмыслять или отражать их во всей целостности. Любая мысль об обществе и истории сама принадлежит обществу и истории. Любая мысль, независимо от ее содержания и объекта, есть не что иное, как способ и форма общественно-исторического действия» [2. С. 9]. Рефлексия есть способ прояснения того, что человек делает, и познать то, что он думает. Она представляет собой общественно-историческое творчество. Аристотелевское разделение на *theoria*, *praxis* и *poesis* само оказывается производным и вторичным. История является творчеством и онтологическим генезисом в действии через действие человека в его представлении и высказывании и посредством этого представления и высказывания. Историческое существование осуществляется и организуется как «мыслящее действие или как проявляющая себя в действии мысль» [2. С.10].

Если К. Маркс высказывался от имени законов истории и пролетариата, то К. Касториadis утверждает принцип ответственности человека, проговаривающего идею. «Вы слушаете не *logos*, вы всегда слушаете кого-то, конкретного человека, такого, какой он есть, там, где он находится, говорящего не только на свой, но и на ваш страх и риск» [2. С. 10]. Человек, наконец, должен говорить от собственного имени, а не от имени разума, истории, природы или класса. Это не значит, что говорение произвольно. Если бы это было так, то никто не стал бы слушать говорящего. Но отныне невозможно провозглашать некую несомненно истинную теорию не только в истории и политике, но даже и в математике.

Введение «ответ»-ственности за высказанное слово позволяет вновь установить коммуникацию через точку говорящего, проговаривающего некую

идею, мысль. Говорящий, с одной стороны, утверждается в бытии через положение «я есть», с другой стороны, задается как некая позиция в языке, т.е. «место»-имение. Он оказывается включенным в структуры реальности двумя способами: во-первых, он существует в непосредственности собственного существования как проживания, являясь социальным индивидом, имеющим «социальное тело», во-вторых, его существование есть пребывание в языке как в-«место»-положении. «Социальное тело» индивида обнаруживается через включение его в дискурсивные социальные практики, где его существование проявляется как место артикуляции языка. Индивид существует как «тело говорения». Вся социальность обнаруживается как пространство говорения, структурированное расположением «тел говорения». Каждое «говорящее тело» существует как местоположение в пространстве языка. «Тело говорения», как «скважина», пустое место, пропуская сквозь себя нить языка, позволяет ему артикулироваться, проговариваться. Оно оказывается условием коммуникации, посредством которого язык самообнаруживается и самообращается. Поскольку индивид ничего не привносит и ничего не элиминирует из дискурса, постольку его существование не влияет на смысл, проговариваемый языком.

Иными словами, индивид как пустое место, или «тело говорения», является идеальным средством коммуникации, «прозрачным» для языка. «Прозрачный» индивид превращается в место-положение «пустого смысла». Он нейтрален в отношении к нему. Это значит, что пространство социальной дискурсивности, предьявленное через расположенность «тел говорения», существует как место-положение нулевой субъективности или поле доксы. Ввиду того что доксический дискурс является пространством положения «здорового смысла», он оказывается местоположением так называемого общезначимого смысла, который никому не принадлежит, а значит, не несет в себе принципа «ответ»-ственности. Можно сказать, что, поскольку социальность, предьявленная в поле доксического, без-ответ-ственна, постольку она некоммуникативна. Социальное существует как поверхность циркуляции пустых дискурсов или пустых сообщений, направленных ни от кого, ни к кому, т.е. предьявляется как пустая коммуникация.

Существование нулевой субъективности в поле доксы задается в циркулировании пустого смысла в структурах языка. Автокоммуникация языка в отсутствие смысла задается как автономная система, которая не отсылает ни к чему, кроме самой себя. Отсылка системы языка к самой себе в отсутствие смысла оказывается самореференцией пустого значения. Тогда социальная система, представленная как пространство организации дискурсов отсылает к неопределенному «социальному», которое не имеет иного референта, кроме самого себя. Самообращение социального образует пространство самореференции, которое оказывается аутопойэтическим.

Н. Луман задает аутопойэзис социальной организации как аутологическую коммуникацию, существование которой безразлично к вопросу о существовании общества как такового в его действительной данности. «То, что обычно обозначают как “социальное”, не имеет никакой однозначно-объективной референции. С другой стороны, попытку описания общества невозможно осуществить вне общества. В ней используется коммуникация. ... Как бы ни определяли предмет, само определение уже является одной из операций этого предмета. Описанное осуществляет описание. В процессе описания, оно, следовательно, должно описывать в том числе и себя. Свой предмет оно должно понимать, как описывающий сам себя» [3. С. 15].

Описание общества производится в присутствии «общества как оно есть в его действительности». Существование социальной данности оказывается пустым референтом, который является предельной точкой описания как самореференции. Утверждение о том, что социальное существует, задает тему всех последующих описаний, а само положение о существовании социального становится горизонтом всех дескрипций. Поскольку все последующие описания обращены к горизонту как теме, в присутствии которой происходит самоорганизация дескриптивного поля, постольку присутствие социального как данности задается через позицию наблюдателя как точки предела поля коммуникативности. Все дескрипции направлены к позиции наблюдателя на границе поля, но сам он, лишенный субъективности, оказывается неспособным к саморефлексии. Это значит, что все коммуникативные операции системы направлены «от» точки наблюдателя «к» точке наблюдателя.

Точка наблюдателя необходимо должна существовать амбивалентно или парадоксально. Она должна быть одновременно точкой наблюдающего наблюдателя и точкой не-наблюдающего наблюдателя. Соответственно возможны два утверждения относительно темы сообщения. Первое утверждение имеет характер тавтологического положения: «общество есть то, что оно есть» [4. С. 197]. Эта положение задает позицию наблюдателя, совпадающего с обществом, т.е. позицию не-наблюдающего наблюдателя. Она выступает как утверждение объективности или данности существования. Вместе с тем, положение о существовании общества как общества в его тавтологичности указывает на само «общество как оно есть» в целостности и неразличности своего существования. Общество как данность существует в не-наблюдаемости или пустой субъективности.

Однако возможность указать на существование общества как общества позволяет выделить его из всего того, что не-есть общество. Это положение задает точку в качестве пустой, т.е. такой, которая оказывается как бы «вырезанной» в расположенности всего, что существует вовне, за его пределами. Наблюдатель оказывается способным наблюдать «все, кроме самого себя». Здесь общество существует как за-данность, как пустое место или пустая объективность. Точка тавтологии оказывается одновременно точкой инклю-

зии и точкой эксклюзии. Точка эксклюзии предьявляется в парадоксальном утверждении: «общество не есть то, что оно есть».

Коммуникативное пространство социального располагается между тавтологическим и парадоксальным положениями. Первое задается как принцип имманенции или пустой субъективности, второй - как принцип трансценденции или пустой объективности. Парадоксальное положение утверждает существование общества через отрицание «не», которое как бы вычитает общество из него самого, задавая пространство не-объективности как место-положение субъективности. Объективное и субъективное существуют в со-вместности своего существования так, что вмещаются полностью со-впадая друг в друге. Со-вместность есть обнаружение на границе, где субъективность как не-объективность полагается в собственное присутствие, а объективность существует как данность в за-данности субъективности. «Субъективность есть своя собственная предположенность (presupposition): всегда уже данная, не дар, но от-давание, она положена и пред-положена любому полаганию себя. Не разделение с другим или сопричастность ему, но удержание себя в своей самости и постоянный возврат к этой самости из любой инаковости, возврат к своему “внутреннему” из любого “внешнего”» [5. С. 153].

Внутреннее и внешнее со-впадают так, что нет больше ни внутреннего, ни внешнего в их различности. Это значит, что утверждение «я есть» совпадает с положением «общество есть» так, что существование «я» инклюзивно социальному. Социальное в со-вместности существования предьявляется в бытии «я» как в месте экспозиции социального. Можно сказать, что граница как «пространство между нами – пространство не-пребывания-тем-же-самым и пребывания во взаимном показе: эта экспозиция, или “сообщество” как таковое или “совместность” (если бы “пребывание-вместе” могло быть названо сущностью), есть некоторый предел в том смысле, что граница всегда совмещает две разные вещи или два различных участка. Она совмещает их, но также и разделяется “между” ними. Она одна и две одновременно, она “внутри” и “вовне”, она закрыта и открыта» (Там же. С. 162).

Иначе говоря, инклюзия предьявляет существование «я» в утверждении: «я есть как все другие». Единичное существование «я» есть существование единого социального как сообщества, которое открывает само себя в собственном существовании. Это значит, что в способности к существованию «я» ничем не выделяется по отношению ко всему существующему. Но все существующее получает способность экспозиционировать свое существование в-«месте»-положения «я» через его со-общение о существовании. Бытие «я» самополагается в дискурсе со-общения как со-бытие существования со-вместности. Место-положение «я» существует как пространство открытого говорения всего, что существует. Дискурс существования как бы проходит сквозь место «я», наполняя его присутствием того, что существует. Сквозное место «я» пропускает через себя «все, кроме самого себя». Здесь тело инди-

вида организуется как граница показа, образованная сообщением со-бытия, по общей границе со-в-местности. Его открытость как поверхность есть экспозиция со-бытия, которая предъясняется как со-общение со-бытия о собственном существовании.

Вместе с тем, существование «я есть» оказывается констатацией существования в его единичности и единственности, где «я не-есть как все другие», то есть существование задается в эксклюзивности, где место «я» «вырезано» или «вырезано» в бытии как оно есть в действительности, или объективности. Место оказывается пустым от объективности, т.е. существует как местоположение субъективности, которая манифестируется в дискурсе существования, обеспечивая ему смысл. Место-положение дискурсивности в пространстве смысла определяется через его границу как экспозицию имен бытия. Дискурс именованья проходит через точку именуемого как субъекта смысла самоопределяющейся и самоименующейся субъективности.

Граница существует как линия «касания», как тождество объективности и субъективности так, что объективность оказывается эффектом субъективности, образующим рельеф имманенции и обеспечивающим подвижность дискурса. Движение субъективности манифестируется как движение знаков или выписывание тела-письма на поверхности смысла. Касание субъективности и объективности в точке тождества конституируется как со-общение субъективного и объективного. Субъективное транспонируется в знаках текста, предъясняясь в констелляции бытия, организованного в со-бытии со-в-местности.

Итак, амбивалентность социального бытия раскрывается в поливалентности существования, проходящего сквозь местоположение пустой субъективности как пространства доксической дискурсивности, которая обретает феноменологическую очевидность через самоположение существования общества в точке говорящего индивида как «тела говорения». Инклюзивность индивида оборачивается эксклюзивностью в парадоксальном утверждении, где пустая объективность транспонируется по границе субъективности в тело-письмо, которое выписывается как линия касания субъективного и объективного, т.е. как со-бытие социального в структурах субъект-объектного тождества или дискурса со-общения, имеющего смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. №9.
2. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Логос; Гнозис, 2003.
3. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
4. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып.1.
5. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem'93. Ежегодник. М.: Ad Marginem, 1994.

6. Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
7. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Post-modern Culture / Ed. Н. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. (Tr. John Johnston)

Поступила в редакцию 13.02.2007

O.N. Bushmakina

Con-being of social in communication structures

There are being of social communication in structures space communicative discourse.

Бушмакина Ольга Николаевна
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1 (корп. б.)
Тел. д.: 49-20-22; тел. р.: 916021
E-mail: bush@uni.udm.ru